УДК 81-112:[811.161.1]

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года как памятник древнерусской деловой письменности

Трофимович Т.Г.
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск

История русского литературного языка – одно из актуальных направлений современного языкознания. Историко-лингвистические исследования позволяют получить значимые выводы о становлении и развитии русского языка в прошлом, адекватно оценить его современное состояние.

Цель работы – доказать, что текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой представляет собой памятник древнерусской деловой письменности, язык которой обладает всеми чертами языка актов делового содержания. Как правило, в историческом языкознании надписи к деловым текстам не относят.

Материал и методы. *В статье исследуются древнерусский текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года, его структурно-композиционные особенности, словарный состав, предпринимается сравнение с текстом Грамоты Мстислава Владимировича 1130 года. При этом используются методы сравнительно-исторического и текстологического языкознания.*

Результаты и их обсуждение. *Дошедшая до нас надпись представляет собой выдающийся памятник древнерусской письменности, ценный не только своим содержанием, но языком, в нем зафиксированным. Предпринята попытка доказать, что рассмотренный текст является образцом деловой письменности древнерусского периода. Об этом свидетельствуют структурно-композиционные особенности надписи, словарный состав, синтаксические черты, общий тон повествования. Есть основания думать, что неизвестный автор, составивший эту надпись, был знаком с традициями древнерусской деловой письменности, поэтому сумел передать все, что и должны были передавать документы такого рода: кто что оставлял потомкам, что с этим делать, кто будет судить нарушивших за невыполнение указаний.*

Заключение. *Древнерусские надписи как памятники письменности тоже подлежат жанровой квалификации. Развернутые тексты типа проанализированной Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года обладают всеми чертами текстов делового содержания.*

Ключевые слова: *древнерусский язык, деловой язык, памятники письменности, композиционные особенности, текст, назначение текста, лексика, синтаксис, жанры древнерусской письменности.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 195–199)

The Inscription on the 1161 Cross of Saint Euphrosyne as a Monument of Ancient Russian Business Writing

Trofimovich T.G.
Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University, Minsk

The history of the Russian literary language is one of current directions of modern linguistics. Historical and linguistic studies provide important conclusions about shaping and development of the Russian language in the past, to adequately assess its current status.

The article aims to prove that the text of the Inscription on the Cross of St. Euphrosyne of Polotsk is a monument of ancient Russian business writing, the language of which has all the features of language acts in business content. Generally, in historical linguistics inscriptions are not referred to as business texts.

Material and methods. *The article examines the ancient text of the Inscription on the 1161 Cross of Euphrosyne, its structural and compositional features, vocabulary composition, comparison is attempted with the text of 1130 Mstislav Vladimirovich Gramota. The study is conducted using the methods of comparative and historical as well as textual linguistics.*

Findings and their discussion. *The extant inscription is an outstanding monument of ancient Russian literature, which is valuable not only for its content, but the language it recorded. An attempt was made to prove that the considered text is an example of business writing of ancient period. This is evidenced by structurally-composite features of the inscription, lexicon, syntactic features, and the general tone of the narrative. There is reason to think that the unknown author, who made this inscription, was familiar with the ancient traditions of business writing, thus he managed to transfer everything that documents of this sort conveyed: who left what to descendants, what to do with it, who would judge those who violated the instructions.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: t.trof@mail.ru – **Т.Г. Трофимович**

Conclusion. *Ancient inscriptions as monuments of literature genre are also subject to qualification. The detailed texts of the type analyzed in the Inscriptions on the 1161 Cross of Euphrosyne possess all the characteristics of texts of business content.*

Key words: *Ancient Russian, business language, artifacts of writing, peculiarities of composition, text, function of text, vocabulary, syntax, ancient Russian writing genres.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 195–199)

В современном историческом языкознании актуальным является изучение памятников древнерусской письменности, запечатлевших деловой язык того времени. Цель работы – доказать, что текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой представляет собой памятник древнерусской деловой письменности, язык которого обладает всеми чертами языка актов делового содержания. Как правило, в историческом языкознании надписи к деловым текстам не относят.

Материал и методы. В статье исследуются древнерусский текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года, его структурно-композиционные особенности, словарный состав, предпринимается сравнение с текстом Грамоты Мстислава Владимировича 1130 года. При этом используются методы сравнительно-исторического и текстологического языкознания.

Результаты и их обсуждение. В исторической славистике понятие *деловой язык* является общепринятым. Этим термином называют язык памятников юридической письменности, количество которых, по мнению исследователей, исчисляется десятками тысяч [1, с. 111]. Потребности регулирования социально-экономических отношений, необходимость их правообеспечения еще в древнерусский период привели к созданию этой особой разновидности письменных источников, численность и жанровое разнообразие которых стремительно возрастает в старорусский период (XV–XVII вв.). Отразившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию. М.Л. Ремнева, например, считает, что существование в период XI–XVII вв. двух письменных языков (книжно-славянского и делового) характеризует специфику культурно-письменной ситуации на Руси. Они были оба нормированными, письменно зафиксированными, обслуживали свой круг текстов, практически до середины XVI в. минимально влияли друг на друга, подчинялись разным нормам, были кодифицированными [2, с. 17].

Жанровое разнообразие деловой письменности неоднократно отмечали историки (А.С. Лаппо-Данилевский, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин) и лингвисты (С.С. Волков, Н.И. Тарабасова, Г.А. Хабургаев, В.Я. Дерягин, С.И. Котков, А.Н. Качалкин), исторические словари и специальные исследования, авторы которых высказывают предположение о том, что еще не все виды документов зафиксированы, не все обнаружены и изучены [3, с. 71–76].

Известно, что одними из наиболее древних письменных памятников в истории русского языка являются надписи или граффити. К середине XI века относятся надписи на стенах соборов, на колоколах, крестах, на печатях, монетах, украшениях [3, с. 16]. Сохранившиеся надписи не одинаковы по объему: они могут состоять из одного слова, как, например, надпись на сосуде Гнездовского кургана, или представлять собой текст различного объема. В историческом языкознании наиболее известными являются надпись на Тьмутараканском камне 1068 года и надпись на чаре Владимира Давыдовича 1139 года.

Особое место среди надписей как памятников древнерусской письменности занимает надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года. Надпись была помещена на напрестольном шестиконечном кресте размером 51 сантиметр. Деревянный в основе крест был окован со всех сторон серебряными, золочеными и золотыми пластинами, украшенными эмалью, жемчугом и драгоценными камнями. Крест изготовил мастер Лазарь Богша по заказу полоцкой княжны Евфросинии Георгиевны и пожертвован ею в Спасский монастырь в Полоцке [5, с. 41]. Известно, что крест был утрачен во время Великой Отечественной войны, а в 1997 году брестским ювелиром Николаем Кузьмичом была изготовлена полноразмерная его копия.

Надпись на кресте образует довольно пространный текст, который представляет несомненный интерес как образец древнерусской деловой письменности. Традиционно надписи не относят к жанрам деловой письменности, однако есть основания считать, что определенная их часть представляют собой тексты делового содержания.

Обратимся для начала к содержанию надписи и попытаемся установить, с какой целью

она была сделана. Есть основания думать, что надпись на кресте сделана *pro memoria,* т.е. для памяти, для памяти о событии, о том, кто учредил крест и кто его сделал. Именно такими являются Тьмутараканская надпись 1068 года, Надпись на чаре Владимира Давыдовича 1139 года, некоторые граффити Софии Киевской XII в. (например, Запись о мире на Желяни) и др.

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой не только по содержанию, но и по структурно-композиционным особенностям текста указывает на то, что перед нами образец делового письма, а не просто мемориальная запись.

Текст начинается с традиционного указания на время создания акта (*Въ лето 6669)*, изложения обстоятельств происходившего (*покладаеть офросинья чьстьныи крестъ въ манастыри своемь въ церкви стго спса)* и краткого описания самого креста *(чьстьное древо бесценно есть, а кованье его злото и серебро и каменье и жьнчюгъ въ 100 гривнъ).* (По техническим причинам текстовые примеры мы приводим в упрощенной орфографии). По сути, приведенные части надписи можно считать тем, что в историко-стилистических исследованиях называется *datum* (место и время создания акта) и *narration* (изложение обстоятельств дела). Укажем, что автор надписи использует для именования описываемого предмета словосочетания *чьстьныи крест* и *чьстьное древо,* где *древо* может означать не только материал, из которого изготовлено изделие, но быть синонимом к слову *крест* [6, вып. 4, с. 353].

Основная часть текста надписи на кресте представляет собой императивную конструкцию, содержащую распоряжение о том, как должен храниться и использоваться крест. Автор говорит о том, что крест не должен выноситься из монастыря никогда, его нельзя продавать или отдавать; если же кто-то решит поступить по-другому, он будет наказан. Типичными являются построения с частицей *да (да не изнесеть ся из манастыря; да не буди ему помощникъ чьстьныи крестъ; да будетъ проклятъ святою животворящею троицею),* а также факты использования формы *буди (и буди ему часть съ июдою; а буди ему клятва).*

Из истории форм повелительного наклонения известно, что формы 3-го лица единственного числа обычно включаются в систему исходных форм русского языка XI в., однако указывается, что их «нельзя назвать побудительными в собственном смысле этого слова: в них выражено пожелание, долженствование и т.п., но не побуждение к действию» [7, с. 137]. Установлено также, что формы с частицей *да* применялись в древнерусском языке по образцу старославянских текстов, что они представляют собой сочетание формы настоящего (будущего) времени с указанной частицей и выражают предписание как один из видов побуждения, связывая выраженное побуждение с планом будущего [3, с. 314–315].

Действительно, восходящие к праславянскому оптативу формы как нельзя лучше выражают мысли автора надписи о том, что происходящее в настоящем обращено в будущее: созданный крест обладает нравственной и материальной ценностью и должен служить монастырю, которому он пожалован. На связь настоящего с будущим напрямую указывает фраза: *аще кто преслушаеть, изнесеть и от монастыря, да нем будетъ ему помощникъ чьстьныи крест ни въ сь векъ, ни въ будущии.*

Для основной части анализируемого текста характерно своеобразное противопоставление: перечисляется то, чего нельзя делать с крестом, затем указывается на то, что будет с тем, кто нарушил запрет *(и буди ему часть с июдою, иже преда христа; а буди ему клятва).* При этом довольно пространные рассуждения о неизбежных наказаниях завершаются позитивным утверждением: *си офросинья же раба христова, стяжавшая крестъ сии, приметъ вечьную жизнь.* В приведенной фразе использовано действительное причастие прошедшего времени от глагола *стяжати*, одним из значений которого в древнерусском языке было ’*дать средства на изготовление, сооружение чего-либо*’ [6, вып. 28, с. 231]. Иллюстративные примеры в «Словаре русского языка XI–XVII» включают и приведенную цитату из анализируемой надписи.

Завершается надпись фразой, которая образует особую клаузу. Это обращение к Богу с просьбой о помощи: *господи, помози рабу своему Лазорю, нареченому Богши, съделавъшему крьстъ сии црькви святаго спаса и Офросиньи.* Очевидно, что эта часть текста может быть рассмотрена как *invocatio* (посвящение, обращение к Богу) и *subscriptio* (подпись).

Следует обратить внимание не только на композиционно-содержательные особенности текста надписи, но и на общую характеристику ее стиля. Надпись сориентирована на образцы книжно-литературной письменности. Об этом свидетельствует частое упоминание

христианских символов и образов: животворящая Троица, святые отцы, седьмой собор святых отцов, Иуда. Эмоциональный тон надписи тоже выдержан в основном в традициях религиозных христианских текстов: Господь видит благие дела, их нужно совершать, стремясь к вечной жизни.

С современной точки зрения, из общего тона христианского текста несколько выбиваются две фразы из основной части: *да будетъ проклятъ святою животворящею троицею* и *а буди ему клятва.* Неужели автор имел в виду проклятие как пожелание чего-то плохого? Безусловно, нет. Слова *проклятие* и *клятва,* известные древнерусскому языку периода первых письменных памятников, имели много значений, основное из которых может быть определено как '*осуждение, отлучение от церкви, анафема*' [6, вып. 20, с. 153]. Следовательно, тон христианского текста автор надписи не нарушал, не желая никому ничего негативного.

Для того чтобы доказать, что структурно-композиционные особенности текста надписи соответствуют структурно-композиционным особенностям деловых памятников, сравним его с текстом «классического» делового документа. Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю датируется 1130 годом и представляет собой жалованную грамоту, т.е. документальное свидетельство того, что князь и его сын передают в собственность монастыря деревню и некоторые материальные ценности.

Надпись на кресте начинается с даты, в тексте же грамоты Мстислава Владимировича даты нет, однако вполне определенно указаны лица, совершавшие сделку *(се аз мстислав володимирь сынъ держа русскую землю въ свое княжение повелелъ есть сыну своему всеволоду),* указано, что передано в собственность: *отдати буице святому георгию съ данию съ вирами и с продажами.* Описание переданного имущества содержится и дальше: *а язъ далъ рукою своею и осеннее полюдье даровьное… блюдо серебряное въ 30 гривенъ серебра…* Есть указание на то, как следует распоряжаться переданным имуществом: *даже который князь по моемъ княжении почнеть хотети то отъяти у святого георгия… кто ся изостанеть в монастыри то вы темъ должны есте молити бога за ны при животе и в сметри.*

В тексте грамоты, как и в тексте надписи на кресте, присутствует обращение к высшей силе, которая защитит принятое решение и обеспечит сохранность имущества: *бог будет за тем и святая богородица… да судитъ ему бог в день пришествия своего…* Ранее мы уже отмечали, что в тексте надписи на кресте активно используются конструкции с частицей *да,* которые выражают пожелание, долженствование и т.п., но не побуждение к действию. В тексте грамоты Мстислава Владимировича такая конструкция тоже есть: *да судитъ ему бог в день пришествия своего.*

Таким образом, структурно-композиционные особенности рассмотренной грамоты соответствуют структурно-композиционным особенностям надписи на кресте Евфросинии Полоцкой.

Обратимся к анализу словарного состава сравниваемых текстов. В надписи на кресте используются названия лиц *(властелин, князь, пискупъ, игуменья, человекъ, рабъ),* названия имущественных ценностей *(золото, серебро, женчюгъ),* названия денежных единиц *(гривна),* названия учреждений *(монастырь),* названия действий *(покладает, изнесет, отдати, сътворити, съделать).* Очевидно, что приведенные наименования характерны для деловой письменности. Симптоматично, что в тексте надписи на кресте практически нет прилагательных-определений, кроме слова *честный (крестъ).* Аналогичен словарный состав грамоты Мстислава Владимировича: названия лиц *(князь, дети, игуменъ),* названия имущественных ценностей *(полюдие, вира, продажа, блюдо, дань),* названия денежных единиц *(гривна)* и т.д.

Синтаксис обоих текстов тоже имеет много общих черт. Используются простые предложения констатирующего характера: *покладаетъ офоросинья честныи крест в монатыри своемъ – се азъ мсимлавъ володимирь сынъ повелелъ сыну своему всеволоду отдати буицы; честное дерево бесценно есть – а я далъ рукою своею и осеннее полюдье* и др. Отличительной особенностью синтаксиса обоих памятников является активное использование сложноподчиненных предложений с придаточными условными, построенными по схеме: *если кто-то что-то сделает, то будет.* Вот примеры: *аще кто преслушает изнесет и от монастыря, да не будет ему помощник честный крест; кто же дерзнет сотворите се.., а буди ему клятва – даже который князь по моем княжении почнеть хотети то отъяти… богъ буди за тем; даже кто запретить или ту дань или то блюдо, да судитъ ему*

богъ. Подобные конструкции являются отличительной особенностью языка деловых документов во все эпохи их существования, на что неоднократно указывали исследователи [8, с. 234].

Особого внимания заслуживают те части сопоставляемых текстов, в которых упоминаются высшие силы. Обращение к ним является непременным атрибутом текстов делового содержания. Вспомним о том, что «Мифологический словарь», например, утверждает: *богъ* в славянской мифологии – название божества и доли, счастья, которое оно может дать человеку (родственно названию богатства и т.п.), противопоставляется небогу, обездоленному [9]. *Бог* был у древних восточных славян одним из представителей дохристианского пантеона, о чем свидетельствуют названия славянских богов: *Белобогъ, Чернобогъ, Даждьбогъ, Стрибогъ* и др. В книжно-церковной традиции *Бог* представлен как высшая сущность, наделенная высшим разумом, Он является абсолютным совершенством, Он всемогущ [10, с. 48]. Слово *Бог* по происхождению восходит к древнеиндийскому *bhagas «одаряющий, господин»*, родственные древнеперсидские, авестийские, древнегреческие слова находятся по значениям в русле понятий *«наделяющий, дающий счастье, достояние, участвующий»* [10, т. 1, с. 181–182].

Приведенные сведения важны, поскольку помогают понять сущность упоминания высших сил в древних документах. Такие части текстов, как *invocatio* (посвящение, обращение к Богу), показывают, что в древнерусские времена высшие силы выступали в роли главных судей и заступников. Выше мы уже рассуждали о проклятии животворящей Троицы и святых отцов в надписи на кресте и об обращении к Богу помочь рабу Своему. В грамоте Мстислава Владимировича апелляции к высшей силе еще более последовательны: *а богъ буди за тем и святая богородица, молити бога за мя и за мое дети, молити бога за ны, да судитъ ему богъ*. В деловой письменности, имеющей утилитарное назначение, присутствовала христианская идеология, что естественно, учитывая тогдашний менталитет и традиции вероисповедания.

Заключение. Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что дошедшая до нас Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года представляет собой выдающийся памятник древнерусской письменности, ценный не только своим содержанием, но языком, в нем зафиксированным. Мы попытались доказать, что рассмотренный текст является образцом деловой письменности древнерусского периода. Об этом свидетельствуют структурно-композиционные особенности надписи, словарный состав, синтаксические черты, общий тон повествования. Есть основания думать, что неизвестный автор, составивший эту надпись, был знаком с традициями древнерусской деловой письменности, поэтому сумел передать все, что и должны были передавать документы такого рода: кто что оставлял потомкам, что с этим делать, кто будет судить нарушивших за невыполнение указаний. Значит, если перед нами пространный текст древнерусской надписи, в нем можно обнаружить черты, характерные для делового языка и квалифицировать эту надпись как один из жанров деловой письменности.

Литература

1. Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
2. Ремнева, М.Л. История русского литературного языка / М.Л. Ремнева. – М., 2003. – 348 с.
3. Горшкова, К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М., 1981. – 360 с.
4. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Иванов. – М., 1990. – 400 с.
5. Иванов, В.В. Хрестоматия по истории русского языка / В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. – М., 1990. – 497 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. – М., 1975–2012. – Вып. 1–28.
7. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М., 1982. – 437 с.
8. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. – М., 1979. – 458 с.
9. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1990. – С. 98.
10. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986. – Т. 1.

Поступила в редакцию 23.11.2015 г.